

УДК 803.0–561.2:800.3

А.Н. Приходько

Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара

КАТЕГОРИИ "ПРОТИВИТЕЛЬНОСТЬ" И "ПРИЧИННОСТЬ" В ЕДИНСТВЕ И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

У статті розглядаються під логіко-семантичним кутом зору дві синтаксичні категорії – протиставність і причинність. На матеріалі німецького складносурядного речення доводиться, що ці категорії віддзеркалюються в мові згідно з діалектичним законом єдності і боротьби протилежностей, являючи собою когнітивні трансформації одна одної з тонко нюансованими смислами. На цій підставі виокремлюються та описуються два основних типи протиставного паратаксису – опозитивний і власне-протиставний, у кожному з яких аналізуються інтегральні та диференційні ознаки протиставності-причинності.

Ключові слова: протиставність, причинність, девіантність, паратаксис, ошукане очікування, когнітивна ентропія, ситуація.

Объектом рассмотрения в настоящей статье является две близкородственных понятийных категории синтаксиса – противительность (адверсативность) и причинность (каузальность) в их единстве и противоположности, а предметной областью, в рамках которой они рассматриваются, – их когнитивно-семантическое устройство, оказывающее влияние на форму и функцию того предложения, в котором они воплощаются. Основная цель статьи – выяснение пределов пересечения двух категорий синтаксиса, за которыми начинается их логико-смысловое расхождение в современном немецком языке.

Сложносочинённые предложения (ССП) с семантикой противительности являются соединением двух элементарных предложений, отображающих по одной ситуации (СИТ) объективной действительности. Находясь между собой в отношениях взаимной обусловленности, эти ситуации обнаруживают определенного рода несоответствие ожидаемого и реального [4; 5; 7]. Обобщающим адверсативным смыслом является формула '*несмотря на то, что*', а соответствующая пропозиция может быть представлена в виде символической записи СИТ-1 – ПК_{АДВ} – СИТ-2 (*Es regnete oft* (СИТ-1), *aber* (ПП_{АДВ}) *der Urlaub war schön*/ (СИТ-2) /*Часто шел дождь, но отпуск был хорошим*/, где отношения обусловленности и несоответствия фиксируются при помощи пропозиционального предиката ПП_{АДВ}.

Формальная логика придерживается мысли, что объединение адверсативной информации в целостный блок осуществляется с помощью конъюнкции, языковым эквивалентом которой является противительный союз *aber* /*but, a, no*/. Важным признаком противительной конъюнкции является то, что мы имеем дело с не совсем последовательными логическими связями, а скорее с фактами несоответствия стереотипных представлений о надлежащем и реальном. Конъюнкция противительности является, таким образом, логикой девиантности – отклонением от нормы, от стереотипов и канонов, от привычных представлений о существующих взаимосвязях в реальном мире.

Считается, что основной постулат противительности состоит в его отношении к концепту 'ожидание' [16, с. 121; 19, с. 503], фиксируемом языком как

не сбывшееся, а потому являющееся “отвергнутым” [18, с. 168]. Девиантность как отклонение от нормы имеет своим следствием и основную семантическую функцию *aber* – выражение противоречия [11, с. 740; 12, с. 480; 15, с. 782].

Именно наличие противоречия между двумя составляющими (конъюнктами) ССП декларирует стандартный подход к лингвистическому анализу противительных конструкций, когда описываемая правой частью бинарной ситуация контрастирует с тем, что предлагает ситуация, описываемая его левой частью [21, с. 2402]. Противительные отношения всегда предполагают причинные отношения. В этом смысле противительность предстает как перевернутое отображение каузальности, как своего рода псевдокаузальность, в основе которой лежит принцип *когнитивной энтропии* – отклонение от какого-то условного эталона на фоне недостатка и/или недоиспользования какого-либо информационного ресурса, т.е. недоинформированность.

Энтропийный принцип описания контрадикторных отношений наблюдается фактически именно в лингвистических концепциях противительной конъюнкции, когда она рассматривается как нарушение принципа регулярности событий по линии констатации противоречия между антецедентом и консеквентом [14, с. 109], между “заданным” антецедентом следствием и его реализацией. Как результат энтропийного видения противительности появляется ее толкование в виде “обманутого ожидания” [1, с. 25], “the contrary-to-expectation” [2, с. 278], “denial-of-expectation” [18, с. 168]). Этим же можно объяснить и интерпретацию противительности по схеме обратной каузальной пропорции (‘гипотетическая каузальность’ – ‘реальная каузальность’) и в виде “неосуществленной каузальности” [3, с. 158], “скрытой каузальности” [10, с. 329] или “антикаузальности” [17, с. 655].

В самом деле, противительные отношения всегда имплицитно подразумевают причинные отношения, коррелируя с ними через оппозицию “обусловленное соответствие – обусловленное несоответствие” и выступая при этом как зеркальное отображение каузальности. Каузальность и противительность вписываются в онтологическую схему бесконечно действующих причинно-следственных отношений. $Пр_1 \rightarrow Сл_1 \rightarrow Пр_2 \rightarrow Сл_2 \dots \rightarrow Пр_N \rightarrow Сл_N$, в которой они фиксируют какое-то одно звено. И если каузальность утверждает перманентность событий, то противительность описывает ситуацию разорванной причинно-следственной цепочки, своего рода “сбой” когнитивной программы.

Вполне понятно, что в сферу “компетенции” противительного смысла попадает такой фрагмент причинно-следственной цепочки, который состоит не из одного бинарного звена (как при казуальных отношениях), а из двух ($Пр_1 \rightarrow Сл_1 \rightarrow Пр_2 \rightarrow Сл_2$), и поэтому его языковое воплощение опирается на взаимодействия четырех составляющих: СИТ-1 ($Пр_1$) – ситуация, описывающая первую причину, СИТ-2 ($Сл_1$) – ситуация ожидаемого следствия, СИТ-3 ($Пр_2$) – ситуация, имплицитно подразумевающая другую причину, СИТ-4 ($Сл_2$) – ситуация реализованного следствия (следствие другой причины). В этой связи П. Шлобински анализирует ССП *Hans ist krank, aber er geht arbeiten* /Ханс болен, но он идет на работу/ как состоящее из четырех компонентов: условие (*Больные не работают*), факт (*Ханс болен*), вывод (*Ханс не должен идти на работу*), контраст (*Ханс идет на работу*) [2, с. 301]. Эти размышления имеют в своей основе энтропийное видение противительности, поскольку содержат намек на то, что такое предложение концептуализирует нарушение ментальных стереотипов.

Аналогичное можно утверждать и по отношению к уже упомянутому ССП

Часто шел дождь, но отпуск был хорошим, в котором фиксируется отрицание каузального стереотипа “дождь → плохой отпуск” и утверждается реальное положение дел (“дождь → хороший отпуск”). Стало быть, конъюнкция противительности поддерживается каузальными отношениями, причем двумя – одним отрицающим и одним утверждающим – и является такой обусловленностью, которая не отвечает общепризнанным представлениям об устройстве реального мира (рис.1).

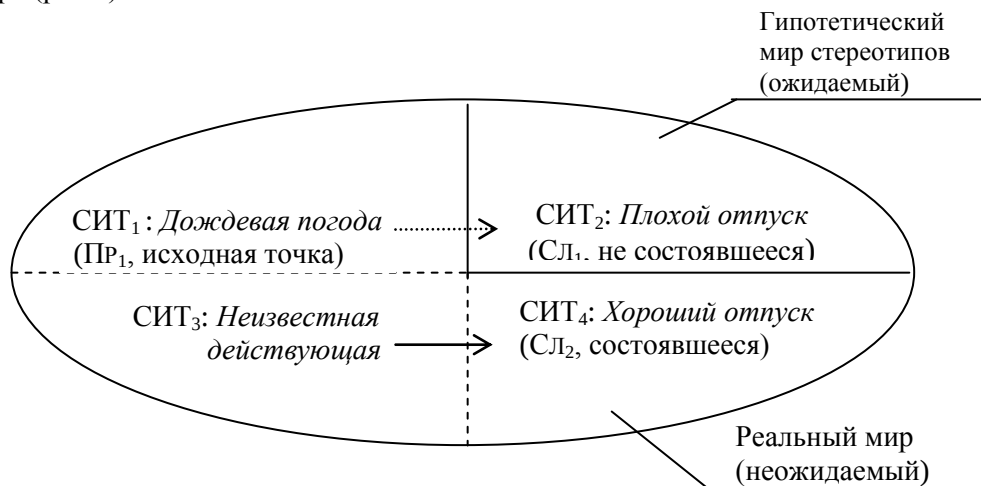

Рис. 1. Корреляция ситуаций противительности и причинности

Рисунок 1 иллюстрирует мысль о том, что каузальное предложение базируется на двух, а противительное – на четырех денотативных ситуациях, две из которых вербализируются, а две имплицитуются и относятся к миру фоновых знаний. Этот факт подчеркивает и Г.-В. Эрмс, когда пишет, что *aber / но* подает сигнал о необходимости обследования предыдущего текста, поскольку именно он является тем фоном, на который сориентирована пропозиция с *aber* [12, с. 480].

Отображая факт завершения казуального процесса, противительность фиксирует нарушение принципа регулярности событий по линии констатации противоречия между антецедентом и консеквентом, а точнее между заданным антецедентом следствием и его реализацией. Иными словами, противительность выявляет схему обратной казуальной пропорции в виде соотношения “гипотетическая казуальность – реальная казуальность” и выступает как.

Как видим, языковая специфика адверсативных конструкций состоит в том, что в них эксплицируются не все части причинно-следственной цепочки, а как минимум одна из них остаётся за рамками высказывания. В соответствии с тем, на какой вид противоречия говорящий наводит коммуникативный фокус, можно различать по крайней мере два основных вида адверсативных смыслов – собственно-противительные и оппозитивно-противительные.

При **собственно-противительных** отношениях нарушается ожидаемая казуальная диспозиция СИТ-1 → СИТ-2, вербализируются противоречия между а) антецедентом и непрогнозируемым консеквентом, б) между непрогнозируемым консеквентом и неизвестным антецедентом.

В первом случае акцентируется противоречие между причиной (ПР₁) и следствием (СЛ₂), поскольку более весомой становится другая причина (ПР₂), что и порождает это самое непрогнозируемое следствие, т.е. имеет место

нереализованность ни одной из потенциальных функций антецедента. И поэтому вместо ожидаемой импликации утверждается фактическая реальная взаимосвязь ОЖИДАЕТСЯ СИТ-1 → СИТ-2, А ПРОИСХОДИТ СИТ-1 → СИТ-4.

Несмотря на то, что СИТ-1 является принципиальным препятствием для СИТ-4, на самом деле это препятствие не может помешать её осуществлению, и она-таки вопреки СИТ-1 осуществляется под действием СИТ-3, которая оказывается при этом или вообще неизвестной (2), или выводится из макроконтекста (3). Ср.: (2) *Dr. Eleutheropulos sprach griechisch, aber ich verstand alles* /М. Frisch/; (3) *Ich sprach nur deutsch, aber er verstand alles angesichts der Wunde* /М. Frisch/.

Собственно-противительные отношения в наибольшей мере соответствуют концепции противительности как отвергнутой причины, что сближает их с отношениями уступительности. Именно поэтому формальным тестом для выявления собственно-противительного смысла может стать проба с помощью подчинительного союза *obwohl* (1a, 2a, 4a). Ср.: (1) ≡ (1a) *Obwohl der Himmel bedeckt war, war es hell*; (2) ≡ (2a) *Obwohl Dr. Eleutheropulos griechisch sprach, ich verstand alles*; (4) *Der Komponist hatte einen Namen, aber die Sinfonie war schlecht* /Н. Konsalik/ ≡ (4a) *Obwohl der Komponist einen Namen hatte, war die Sinfonie schlecht*.

Несмотря на идентичность логической формулы уступительного подчинения и противительного сочинения, их прагматическая нагрузка всё-таки различна – акцентирование внимания на причине-препятствии в подчинительной конструкции и акцентирование внимания на следствии в сочинительной. Другим дистинктивным признаком сочинения и подчинения является тот факт, что противительные предложения ориентированы на последующий контекст, а уступительные – на предыдущий [8, с. 47; 13, с. 315].

Проба на сепаратизацию собственно-противительных предложений показывает, что, в отличие от соединительных, они довольно зависимы друг от друга, поскольку хоть и могут существовать отдельно, но, кажется, утрачивают противительный смысл (1b, 2b, 4b). Ср.: (1) ≠ (1b) *Der Himmel war bedeckt. Es war hell*; (2) ≠ (2b) *Dr. Eleutheropulos sprach griechisch. Ich verstand alles*; (4) ≠ (4b) *Der Komponist hatte einen Namen. Die Sinfonie war trotzdem schlecht*. Сближение собственно-противительных ССП с соединительными наблюдается на функциональном уровне, так как проба на перестановку местами их частей (транспозиция) не приводит к утрате противительного смысла: (1) ≡ (1c) *Es war hell, aber der Himmel war bedeckt*; (4) ≡ (4c) *Die Sinfonie war schlecht, aber der Komponist hatte einen Namen*.

При транспозиции составляющих собственно-противительных ССП не происходит перегруппировки причины и следствия, их содержание остаётся прочно закрепленным за соответствующими пропозициями – причина за СИТ-1, а следствие – за СИТ-4. Это значит, что феномен псевдокаузальности сохраняется даже при разрушении конструкции, в которую воплощен, и поэтому является индифферентным к своей структурной поддержке, а сам собственно-противительный смысл оказывается достаточно устойчивым явлением.

Порядок расположения составляющих не является релевантным для второй разновидности псевдообусловленности, а именно для тех предложений, где наблюдается акцентирование противоречия между первым следствием и второй причиной. Обобщающей схемой такого рода собственно-противительных отношений будет формула ОЖИДАЕТСЯ СИТ-1 → СИТ-2, А ПРОИСХОДИТ СИТ-2 → СИТ-3: (5) *Ich liege schlaflos, aber ich nehme kein Schlafpulver*. Здесь PP_1 и $СЛ_2$

неизвестны и не называются, а отсутствующие звенья причинно-следственной цепочки могут легко домысливаться на основе общего фонда знаний или пресуппозиций. Ср.: (5) *Ich liege schlaflos, aber ich nehme kein Schlafpulver* ← (5a) *...später liege ich in meinem Hotel, schlaflos* (СЛ₁). *Es ist eine heiße Nacht* (ПР₁), *ich nehme kein Schlafpulver* (ПР₂). *Sonst bin ich niedergeschlagen* (СЛ₂) *am Morgen* /F. Dürrematt/; (6) *Mein Stuhl stürzte, aber das Mädchen stellte ihn auf* ← (6a) *Als ich aufstand, stürzte mein Stuhl. Aufsehen in der Bar. Aber das Mädchen stellte ihn auf, und ich setzte mich wieder, als wäre nichts dabei...* /M. Frisch/.

Данная разновидность собственно-противительных ССП также положительно реагирует на свои превращения в уступительные конструкции (5a, 6a), нейтрально относится к сепаратизации своих составляющих (5b, 6b), но при транспозиции частей обнаруживает нарушения исходной интенции говорящего (5c, 6c). Ср.: (5a) *Obwohl ich schlaflos liege, nehme ich kein Pulver*; (5b) *Ich liege schlaflos. Ich nehme kein Pulver*; (5c) *Ich nehme kein Pulver, aber ich liege schlaflos*; (6a) *Obwohl mein Stuhl stürzte, das Mädchen stellte ihn auf*; (6b) *Mein Stuhl stürzte. Das Mädchen stellte ihn auf*; (6c) *Das stellte den Stuhl auf, aber er stürzte*.

В данном виде контрадикторных отношений контекстуальная информация, с одной стороны, поддерживает значение несхожести ситуаций, а, с другой, – указывает на тематическую близость соотносимых частей. И в этом плане данные конструкции приближаются к сопоставительным (*a*-ССП), которые традиционно выделяются в славистике, но не имеют специальных маркеров в германских языках. Думается, что в основе глубинной семантики собственно-противительных ССП лежит именно псевдокаузальность, механизм которой опирается на экспликацию противоречия между антецедентом и консеквентом.

При **оппозитивно-противительных** отношениях наблюдается перемещение фокуса внимания с противоречия между причиной и следствием на противоречия между смежными величинами – а) между двумя причинами, б) между двумя следствиями, которые оказываются при этом достаточно антагонистическими, поскольку не предусматривают никакого компромисса для своего разрешения, образуя своего рода “семантическую оппозицию” [18, с. 168]). В частности, в ССП (7) *Ich hatte Hunger, aber der Hummer ekelte mich* /M. Frisch/ противительность базируется не на псевдообусловленности, предусматривающей реализацию СИТ-4 (*aber ich aß nicht*), а на оппозиции одной причины по отношению к другой по схеме ОЖИДАЕТСЯ СИТ-1 → СИТ-2, А ПРОИСХОДИТ СИТ-1 → СИТ-3.

За рамками сочинительного предложения оказываются консеквентные элементы причинно-следственной цепочки, однако при этом ССП является семантически самодостаточным, а его отсутствующие звенья оказываются как бы зашифрованными в минимальном контексте, и поэтому допускают свою реконструкцию на основе пресуппозиции: (7a) *Ich hatte Hunger* (ПР₁), {*deshalb mußte ich essen* (СЛ₁)}, {**aber** *ich aß nicht* (СЛ₂)}, **denn** *der Hummer ekelte mich* (ПР₂).

Реконструирование невербализированных элементов выявляет две специфические особенности оппозитивно-противительных ССП. Во-первых, наблюдается перестановка акцентов, поскольку противоречие устанавливается в этом случае как раз по модели собственно-противительности (*Ich hatte Hunger* (ПР₁), *aber ich aß nicht* (СЛ₂)). Во-вторых, правая часть бинама несёт информацию и о самом непрогнозируемом следствии (*aber ich aß nicht*), и о причине того, что случилось (*der Hummer ekelte mich*). В основе такого рода диффузии антецедента и консеквента находится механизм логической импликации $ПР_2 \supset СЛ_2$, благодаря

которому говорящему удаётся “встроить” в одну форму две ситуации.

Импликацией и стремлением к экономии языковых средств объясняется невыраженность элементов каузальной ситуации. Кажется, что оно может быть одновременно и воплощением особой речевой стратегии адресанта, поскольку позволяет в одной конструкции совместить то, что кажется несовместимым – и антецедент, и консеквент (в (7) сообщается и о факте отсутствия обеда, и о причине такого отсутствия). Не случайно ССП с оппозитивной противительностью часто включаются в политаксисы, где они довольно удачно выступают средством “оттенения” другой причины и импликаторами следствия: говорящий не смог-таки поспать ((8) *Er konnte noch schlafen, aber dann stieg ihm der Kaffeeduft in die Nase, und er gab auf und stellte sich dem neuen Tag* /D. Schwanitz/); говорящий не смог-таки побриться ((9) *Ich hatte das Bedürfnis, mich zu rasieren, aber mein Apparat war kaputt, und ich ließ diese Idee...* /M. Frisch/).

Оппозитивно-противительные ССП, в отличие от собственно-противительных, не могут быть переставлены местами без потери основного смысла. Проба на транспозицию даёт отрицательный результат и показывает, что в этом случае появляется абсолютно иное прочтение причинно-следственной зависимостей, а именно как противоположное решение дилеммы: говорящий всё же пообедал ((7a) *Der Hummer ekelte mich, aber ich hatte Hunger*); поспал ((8a) *Der Kaffeeduft stieg ihm in die Nase, aber er konnte noch schlafen*); побрился ((9a) *Mein Apparat war kaputt, aber ich hatte das Bedürfnis, mich zu rasieren*).

Как видим, порядок расположения составляющих в оппозитивно-противительных ССП имеет значимый характер, поскольку адверсативность поддерживается в них не только на логико-семантическом, но и на структурно-грамматическом уровнях. Стало быть, оппозитивная противительность является довольно неустойчивой категорией – такой, которая легко разрушается при малейшем вмешательстве в структуру.

Значимый порядок расположения составляющих имеет место и в другой разновидности оппозитивно-противительного смысла, а именно в тех предложениях, где наблюдается антагонистическое противоречие между двумя следствиями. В частности, в ССП (10) *Ich war entschlossen, aber es kam nicht dazu* /S. Lenz/ противительность базируется на принципе ОЖИДАЕТСЯ СИТ-1 → СИТ-2, А ПРОИСХОДИТ СИТ-2 → СИТ-4.

Поскольку в данном виде оппозитивно-противительных ССП фокус делается на противоречии между двумя следствиями, то антецеденты полностью остаются в теневом окружении сочинительной формы, а их идентификация в минимальном контексте является либо вообще невозможной (10, 11), либо частично возможной (12). Вербальная выраженность обоих антецедентов встречается редко, а именно тогда, когда предложение выступает как полисочинительный комплекс (13). Ср.: (11) *Anderntags ging ich in den Louvre, aber von einem Mädchen mit rötlichem Roßschwanz war nichts zu sehen* /M. Frisch/; (12) *Ich wollte protestieren (СЛ₁), aber konnte meinen Mund nicht aufmachen (СЛ₂), ...da mir soeben sämtliche Zähne ausgefallen sind...* (ПР₂) /F. Kafka/; (13) *Was mich nervös machte: das Scheppern unserer Kanister (ПР₁), ich stoppe öfter und befestige sie (СЛ₁), aber nach einer halben Stunde Fahrt über Wurzeln und faule Stämme (ПР₂) schepperten sie wieder* /M. Frisch/.

Приведенные предложения свидетельствуют о том, что противоречие между двумя следствиями хотя и достигает своей критической точки, однако оно не исключает потенциальной возможности своего разрешения. Благодаря причине-препятствию, реальность которой опирается на достоверное знание, противоречие

между следствиями не является перманентным, а длительность его действия, следовательно, может быть недолговременной (найдутся другие идеи для поиска девушки (11), другие способы протеста (12), другие способы крепления (13)).

Неисключенность альтернативы для разрешения противоречия в данном типе ССП, возможно, поддерживается посредством семы “намерение”, которая либо имплицитруется (10, 11, 13), либо вводится модальными глаголами (12, 14, 15). Тогда имеет место противоречие не между фактами, которые наблюдаются эмпирически, а между намерением говорящего и его реализацией: (14) *Wir wollten baden, aber Herbert fand seinen Bach nicht wieder* /M. Frisch/; (15) *Sie wollte es ihm sagen, aber die Zunge gehorchte ihr nicht* /D. Schwanitz/. В данном случае СИТ-1 описывается не как $ПР_1$, а как речевое действие “намерение”, а СИТ-2 выступает как контаминация причины и следствия, поскольку правый конъюнкт допускает свое прочтение как причина-обоснование (ср.: (12) $\equiv$ (12a) *Ich habe nicht protestiert, denn ich konnte meinen Mund nicht aufmachen*).

Отсутствие какой-либо альтернативы для разрешения антагонизма имеет место в тех ССП, которые отражают мир недостоверного знания. В этом случае левая часть реализуется говорящим как результат неизвестной причины-вывода, а правая сигнализирует конец причинно-следственной цепочки, а весь сочинительный бином приобретает смысл “итог сказанного”. Ср.: (16) *Es war Blödsinn, aber es war mir einerlei* /D. Schwanitz/; (17) *Ich fand mich kitschig, aber es war nicht zu ändern* /M. Frisch/; (18) *Es tat uns leid, aber ein Bleiben kam nicht in Frage* /H. Bienek/. “Итог сказанного” реализуется на фоне негатива в первой части бинома и констатации невозможности его исправления в другой, за счёт чего поддерживается антагонизм и осуществляется его глобализация.

Антагонистичность, глобальность, компромиссность противоречия между антецедентом и консеквентом в ССП собственно- и оппозитивно-противительного смыслов связаны не в последнюю очередь с языковым действием “оценка” и её градацией по шкале “негативная – нейтральная – позитивная”.

Нейтральная оценка противоречия имеет место в большинстве противительных единств, потому что они оказываются индифферентными в этом отношении (1 – 3, 5 – 15). Нейтральная оценка в наибольшей мере соответствует эпистемической сущности противительности как фиксатора противоречия между эмпирически устанавливаемыми фактами, а потому принадлежат к сфере достоверного знания.

Однако, онтологически заданные факты не освобождаются от их позитивной или негативной оценки. В этом случае оценка реализуется благодаря концептуализации противопоставления “хорошо – плохо”, которая в собственно-противительных ССП осуществляется, очевидно, через посредничество отношения “общее – частное”, а точнее через сопоставления контрастов “позитивное общее – негативное частное”, “негативное общее – позитивное частное”, оператором чего чаще всего становится лексическая или логическая антонимия ключевых элементов объединяемых конъюнктов. В соответствие с этим степень градации повышается или понижается.

Наивысший контраст противительность приобретает при негативной оценке наступившего следствия, т.е. когда реализованное следствие превращается в антипод ожидаемого (позитив в первой части – негатив во второй). Такая оценка может осуществляться и как полное, и как частичное отрицание факта, содержащегося в левом конъюкте.

Полное отрицание позитива наблюдается и в собственно- (19), и в

оппозитивно-противительных ССП (20), где коннектор *aber* лимитирует на позитивную характеристику, за счёт чего производится глобализация противоречия, а контраст приобретает эффект парадокса: (19) *Vieles wußten sie, aber war es wertvoll, dies alles zu wissen?* /H. Hesse/; (20) *Wir werden ebenso alt werden und werden uns üben, und werden fasten, und werden meditieren. Aber Nirwana werden wir nicht erreichen* /H. Hesse/.

При частичном отрицании негатива (4, 21, 22) оператор *aber* ограничивает силу действия негативной характеристики первой части ССП. Тут происходит объединение неантагонистически противоречивого по принципу компромисса, что позволяет деглобализовать силу противопоставления: (21) *Der Schüler ist begabt, allerdings fehlt es ihm an Fleiß* /J. Erben/; (22) *Die Waschungen waren gut, aber sie wuschen die Sünde nicht ab* /H. Hesse/.

Наименьший контраст противительность приобретает при позитивной оценке имеющего место следствия (негатив в левой части – позитив в правой), благодаря чему противоречие между антецедентом и консеквентом смягчается и происходит его деглобализация путём компенсации частью позитива всего негативного целого (23, 24). Именно поэтому такие предложения соотносимы с компенсирующими релятивами *dafür /zamo*: (23) *Ich bin verloren, aber ich bin nicht allein* /M. Frisch/; (24) *Es ging abwärts mit ihm, aber Kummer darüber empfand er nicht* /H. Hesse/.

Регулирование контраста между причиной и реализованным следствием опирается на систему лексической и логической антонимии. Специальных маркеров для регулирования такого контраста язык, кажется, не выработал. И хотя считается, что союз *zwar* является средством усиления противопоставления [15, с. 783], однако он вряд ли оказывает какое-либо весомое влияние на силу контраста. Без всякого влияния на степень градации он может быть использован и при высокой силе (19а), и при средней (22а), и при низкой (23а) силе контраста. Ср.: (19) ≡ (19а) *Zwar wußten sie vieles, aber war es wertvoll, dies alles zu wissen?*; (22) ≡ (22а) *Zwar waren die Waschungen gut, aber sie wuschen die Sünde nicht ab*; (23) ≡ (23а) *Zwar bin ich verloren, aber ich bin nicht allein*.

Рассматривая французские союзы *certes*, *bien*, *encore* и сравнивая их с немецким *zwar*, Л. Теньер называет их *préadversatif* и говорит о функции упреждения противительного смысла. Он пишет, что преадверсатив настолько хорошо приспособился к функции пилули перед выражением неодобрения, что стал восприниматься как обычный риторический прием упреждения появления другого члена, противопоставленного первому [6, с. 347]. При всей своей образности пассаж Л. Теньера наводит на мысль, что противительные ССП с единичным *aber* и ССП с парным *zwar... aber* соотносятся между собой по принципу “неожиданное противоречие – прогнозируемое противоречие”, в котором *zwar* отводится роль индикатора антиципации. Сигнализируя о наличии противоречия заранее, союз *zwar* тем самым информирует о нём адресата еще до того, как оно будет вербализовано. Другими словами, слушающий ещё не знает, какое именно противоречие будет иметь место, но знает о том, что оно последует.

Итак, для противительных отношений релевантным оказывается момент поступления сигнала о наличии противоречия, благодаря чему создаётся возможность для разнообразия речевой тактики адресанта. Своевременность и задержка сигнала не влияют на когнитивную сущность противительного предложения. В этом отношении выражаемые им факты являются аподиктическими (принадлежат к сфере достоверного знания). Мир недостоверного знания не может коррелировать с противительным смыслом,

поэтому он дистанцируется от каких-либо модусных коррекций смысла, особенно от конъюнктива. Ср.: (23) ≠ (23b) *Ich bin verloren, aber ich bin wahrscheinlich nicht allein...*; (24) ≠ (24b) *Es ging abwärts..., aber Kummer darüber empfand er vielleicht nicht*.

Употребление же модусного компонента сводит эффект компенсации противоречия к минимуму (23b, 24b), а, может, и приближает его к своему антиподу в виде соединительного ССП ((23c) *Ich bin verloren und ich bin allein*), при помощи которого противительность устраняется, а негатив удваивается. Таким образом, модусный компонент в собственно-противительном ССП является угрозой противительному смыслу, а те случаи его употребления, которые все же встречаются, ограничиваются фиксацией противоречия между реальными и ирреальными фактами. Ср: (28) *Babsy war ziemlich groß, doch in Hannos Armen kam sie sich klein und hilflos vor* /D. Schwanitz/.

Подводя **итог** сказанному, отметим, что противительное ССП представляет собой псевдоказуальный бином, описывающий факт разрыва причинно-следственной цепочки в виде определенного несоответствия между антецедентом и консеквентом, что напрямую связано с явлением когнитивной энтропии. В зависимости от характера этого несоответствия различаются два основных вида адверсативных смыслов-отношений – собственно-противительные и оппозитивно-противительные.

При собственно-противительных отношениях противоречие имеет место либо между вербализированной причиной и непрогнозируемым следствием, либо между вербализированным следствием и неизвестной причиной. Оппозитивно-противительные отношения фиксируют несоответствие между смежными величинами – двумя причинами или двумя следствиями. В онтологическом плане первая разновидность противоречия ассоциируется с компромиссом, другая – с антагонизмом. Компромиссный характер противоречия не обнаруживает четкой корреляции со своим структурным воплощением, антагонистический, наоборот, опирается на строгий порядок расположения конъюнктов. В логико-семантическом плане собственно-противительные ССП нередко требуют контекстной поддержки для своего корректного прочтения, в то время как оппозитивно-противительные ССП являются самодостаточными двучленами, поскольку имплицитно подразумевают невербализованные элементы причинно-следственной цепочки по схеме глубинно-семантической контаминации (совмещения).

Совмещения ситуаций в одной конструкции и возможность подачи опережающего сигнала о наличии противоречия при помощи коннектора *zwar* / *хотя* открывает определённый простор для разнообразия речевой тактики адресанта в выражении противоречия, а заодно и составляет определенную перспективу дальнейших исследований конструкций двойной ориентации на материале различных языков.

Библиографические ссылки

1. **Апресян В.Ю.** Уступительность как системообразующий смысл / В.Ю. Апресян // Вопр. языкознания. – 2006. – № 2. – С. 85-110.
2. **Карлсон Л.** Соединительный союз *but* / Л. Карлсон // Новое в зарубежн. Лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 277-299.
3. **Ляпон М.В.** Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии

- внутритекстовых отношений / М.В. Ляпон. – М.: Наука, 1986. – 260 с.
4. **Санников В.З.** Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В.З. Санников. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с. (Studia philologica)
 5. **Синельникова Л.Н.** Контрадикторные аномалии сквозь призму процесса вербализации / Л.Н. Синельникова. – Режим доступа: <http://experts.in.ua/baza/analytic/detail.php?ID=11225>
 6. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
 7. **Урысон Е.В.** Семантика союза НО: данные языка о деятельности сознания / Е.В. Урысон // Вопр. языкознания. – 2006. – № 5. – С. 22-42.
 8. **Фужерон И.** Не заблудиться бы в трех «хотя»... / И. Фужерон // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – 1998. – Т. 57, № 3. – С. 46-52.
 9. **Blakemore D.** Denial and Contrast: a relevance theoretic analysis of but / D. Blakemore // Linguistics and Philosophy. – 1989. – Vol. 12. – P. 15–37.
 10. **Di Meola C.** Zur Definision einer logisch-semantischen Kategorie: Konzessivität als „versteckte Kausalität“ / C. Di Meola. – Opladen: Westdeutscher Vrlg., 1998. – S. 329-352.
 11. **Engel U.** Deutsche Grammatik / U. Engel. – Heidelberg: J. Groos; Tokyo: Sansyusya, 1988. – 888 S.
 12. **Eroms H.-W.** Syntax der deutschen Sprache / H.-W. Eroms. – B., N.Y.: de Gruyter, 2000. – 510 S
 13. **Fougeron I.** Retour sur les conjonctions adversatives A et NO en russe / I. Fougeron // Bulletin de la Société de la linguistique de Paris. – T. XC. – Paris, 1995. – P. 313–333.
 14. **Gehrmann M.** Adversative Konjunktionen des Polnischen im Vergleich zum Deutschen / M. Gehrmann // Linguistische Studien. A-183. – Berlin: Akademie. – 1988. – S. 107-201.
 15. **Grundzüge** einer deutschen Grammatik / K.E. Heidolph, W. Flämig, W. Motsch. – B.: Akademie, 1984. – 1028 S.
 16. **Hall A.** The meaning of but: a procedural reanalysis / A. Hall // Working Papers in Linguistics / ed. by A. Neeleman and M. Pearce. 2004. – Vol. 16. – P. 119–236. – Режим доступа: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/PUB/WPL/uclwpl16.html>
 17. **Izutsu M.N.** Contrast, concessive, and corrective: Toward a comprehensive study of opposition relations / M.N. Izutsu // Journal of Pragmatics: An Interdisciplinary Journal of Language Studies. – Amsterdam: Elsevier, 2008. – Vol. 40. – Is. 4. – P. 646–675
 18. **Lang E.** The Semantics of Coordination / E. Lang. – Amsterdam: Benjamins, 1984. – 300 p.
 19. **Rudolph E.** Contrast, Adversative and Concessive Relations and their Explication in English, German, Spanish, Portuguese on Sentence and Text Level / E. Rudolph. – B., N.Y.: Walter de Gruyter, 1996. – 544 p.
 20. **Schlobinski P.** Funktionale Grammatik und Sprachbeschreibung. Eine Untersuchung zum gesprochenen Deutsch sowie zum Chinesischen / P. Schlobinski. – Opladen: Westdeutscher Vrlg., 1992. – 366 S.
 21. **Zifonun G.** Grammatik der deutschen Sprache (in 3 Bdn) / G. Zifonun u.a. – B., N.Y.: Walter de Gruyter, 1997. – 2569 S.

Приходько А.Н., Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара. Категории "противительность" и "причинность" в единстве и противоположности

В статье рассматривается под логико-семантическим углом зрения две синтаксические категории – противительность и причинность. На материале немецкого сложносочиненного предложения доказывается, что данные категории отражаются в языке согласно диалектическому закону единства и борьбы противоположностей, представляя собой когнитивные трансформации друг друга с тонко нюансированными смыслами. На этой основе выделяются и описываются два основных типа противительного паратаксиса – оппозитивный и собственно-противительные, в каждом из которых анализируются интегральные и дифференциальные признаки противительности-причинности.

Ключевые слова: противительность, причинность, девиантность, паратаксис, обманутое ожидание, когнитивная энтропия, ситуация.

Prykhodko A.N., Oles Honchar Dnepropetrovsk National University. Categories "adversativity" and "causality" in unity and opposite

The article considers two syntactical categories – adversativity and causality from logical and semantic point of view. On the matter of German complex sentence these categories are proved to be reproduced in the language in accordance with the dialectical law of unity and conflict of opposites that are cognitive transformations of each other with subtly shaded senses. Two main types of adversative parataxis – opposite and properly adversative are determined and described on this base, and in which of them integral and differential indications of adversativity and causality are distinguished.

Key words: adversativity, causality, deviance, parataxis, disappointed expectation, cognitive entropy, situation.